

ОТ СЕРДЦА К СЕРДЦУ

Мастера
культуры

копска, к целинникам Кустаная и Делинограда, к шахтерам Донбасса и строителям Урала.

В пении для Гulyaева — вся его жизнь, призвание, его широкая русская натура, молодость. Ведь для человека, настоящему творческого, искусство — это всегда обновление, постоянное движение вперед.

Бэлла РУДЕНКО.

Солистка Большого театра, народная артистка СССР, лауреат Государственной премии.

МНОГИЕ ГОДЫ моей творческой жизни связаны с Киевским театром оперы и балета. И мне дороги имена выдающихся мастеров сцены, с помощью которых я познавала здесь искусство артиста, дороги мои коллеги, друзья, с которыми довелось вместе работать.

Юрия Гуляева помню с первых его шагов на киевской сцене. Держался он просто и естественно, чувствовалось, что скромнее до шепетильности, необычайно ранним, но в то же время нетерпим к фальши, неискренности, может отстаивать свое мнение, если требуется, быть жестким. Подкупала его улыбка, немного резкие, по-мальчишески стремительные жесты, глаза — внимательные, порой спокойные и теплые, а иногда (в нем уже тогда проглядывал характер твердый, настойчивый) непримиримые, сверкающие, гневные.

Первый раз я услышала Гуляева, когда он пел песни «Из-за острова...» и «Эх ты, Ваня». Сразу стали очевидны и глубина проникновения артиста в исполняемое произведение, и владение голосом, и богатство вокальных нюансов. В «Стеньке» особенно покорила чисто русская песенная широта звучания, умение создать образ в концертном исполнении.

Помню, мы выступали с Юрием Гуляевым в Москве, на украинской декаде. Это было одно из первых его серьезных испытаний. Он тогда волновался, не верил в удачу.

Успех был огромный, о нем заговорила пресса, его признали, но в «собственных глазах», как это часто бывает, он от этого не вырос.

Внутренний самоконтроль, высокая взыскательность помогли артисту позднее сформироваться в большого мастера сцены. Есть актеры, которые завоевывают признание долгие годы. Но, наверное, тому актеру, которому поверят сразу, приходится труднее — ему нужно удерживать «высоту», суметь не разочаровать своего зрителя, не обмануть эту «любовь с первого взгляда». Поверив однажды в Гуляева, зритель не ошибся.

На оперной сцене Юрий Гуляев сразу зарекомендовал себя как певец, владеющий разнообразием тембровых красок, по-своему воплощающий музыкально-художественный образ, умеющий, соединяя вокал и драматическое начало, ярко раскрыть характер своего героя. В опере он поет в иной манере, чем на эстраде.

Вот Фигаро. Эту партию артист приготовил еще в Донецком оперном театре, где проработал пять лет. Чувствовалось, что эти годы у него были насыщены интенсивной работой.

В репертуар Киевского оперного театра он входил легко,

быстро устанавливая взаимопонимание с партнерами. Я тогда пела Розину, и мне был симпатичен его Фигаро. В нем был и пройдоха, и ловкач, но это был симпатичный пройдоха, симпатичный ловкач, живой, очень народный образ. Наверное, за это Фигаро в исполнении Гуляева полюбили и в Вене, где на Всемирном фестивале (1959 г.) он получил свою первую золотую медаль.

Гуляев относится к той категории артистов, которые могут как бы со стороны увидеть и услышать себя, заметить все свои недостатки. Помню, как он пел в театре партию Ренато в «Бал-маскараде» Верди. Очень хороша была в ней лирическая линия. Потом певец некоторое время не исполнял этой партии, и только сейчас, когда знаменитая ария Ренато записана Гуляевым на долгоиграющую пластинку, стало ясно, какое изменение претерпели трактовка и понимание им этого образа.

Теперь его Ренато познал не только любовь, дружбу, но и ненависть, жажду мести, негодование, всю гамму человеческих страданий. Образ стал насыщенным, глубоко драматичным.

Именно этим и интересен Гуляев в своем творчестве —

к нему трудно привыкнуть. Сколько лет мы вместе проработали в одном театре, но всегда он был интересен, разнообразен, не «заштампован». Папагено в «Волшебной флейте» Моцарта и Алеко из одноименной оперы Рахманинова, Эскамильо из оперы «Кармен» Бизе и Жермон в «Травиате» Верди, Щорс в опере «Полководец» Лятошинского — все эти партии, исполненные певцом в разное время, свидетельствуют не только о его артистической зрелости, но и об умении представить зрителю образы самые разнохарактерные.

Гуляев многогранен. Он неустанно пополняет свой репертуар романсами, ариями, народными и советскими песнями. Особенно близко артисту творчество Чайковского и Рахманинова. Их произведения он поет часто и с наслаждением. Романс Чайковского «Средь шумного бала» широко известен, но в исполнении Гуляева он звучит так, будто его слышишь впервые. Певец отходит от традиционного толкования романса как воспоминания о прошлом. Его герой — молодой романтик, грусть его светла, полна надежд и ожиданий. Кажется, он только вернулся с бала и переживает в ритме вальса все пережитое, востановленное снова и снова. Приносится что-то свое в каждый

из исполняемых им романсов, Юрий, однако, всегда строго следует авторскому замыслу. Так, в романсе Пушкина — Рахманинова «Не пой, красавица, при мне» ему удастся передать, не отходя от приемов классического пения, восточный колорит, заложенный в произведение поэтом и композитором. Романс в исполнении певца от начала и до конца «восточной негой дышит».

Умение исполнять и русский романс, и народную песню помогло артисту прочувствовать и отлично спеть цикл «Созвездие Гагарина» А. Пахмутовой, создав настоящий современный музыкально-драматургический образ. Многие зрители и слушатели говорят, что Гуляев должен принадлежать в первую очередь советской песне. Он действительно умеет найти то произведение, которое становится «долгожителем», а порой некоторым из них дает как бы «второе» рождение. Так было с песней Блантера «Жди меня». Взволнованно, нежно и мужественно звучит она в исполнении артиста.

Шла трансляция концерта Юрия Гуляева, выступавшего вместе с оркестром Осипова. Зрители радостно «вслушивались» в русскую народную песню, зачастую петую и перепетую, но вдруг зазвучавшую

для них по-новому. Трудно это для певца — взять и прочитать давно знакомую песню так, как будто она только что родилась, только что открыта им.

Для народной песни «Степь да степь» Гуляев нашел и ритм, простой, невычурный, и особые тембровые окраски, относящиеся к каждому персонажу песни. Звучали в его голосе и горечь, и сожаление, и любовь, и тепло. Когда он кончил петь, на миг в зале наступила тишина, а потом — гром аплодисментов.

Мне пришлось в этот вечер услышать, как зрители после концерта говорили: «Вот где он нашел себя — в народной песне». А я вспоминала наши гастроли в Болгарии, где мы пели с Гуляевым в опере и его называли великолепным мастером оперной сцены, подчеркивая, что именно это — его истинное призвание. Вспоминала рецензии на его Онегину. Может, здесь помогла ему русская песня?..

Гуляев поет всегда много, с увлечением. Иногда даже можно услышать: пощади бы он себя. Говорят это, конечно, из самых добрых побуждений, желая продлить чудо звучания человеческого голоса. Но настоящий певец не может не петь. Ведь его ждут. Широки его дороги — он едет к рабочим КамАЗа и Краснопере-